

Лишь Лу Чэншань точно знал: сегодня на Пэй Суне надето то самое бельё с боевым мишкой.

На консоли управления стоял ноутбук, транслировавший прямой эфир без звука — инженерам картинки хватало с лихвой. На экране «Аполло ИЭ», обогнав «Порше 919», вырвался вперёд, и режиссёр тут же дал крупные планы обоих гонщиков.

Взгляд Пэй Суна оставался невозмутимым: упрямые, твёрдые зрачки въелись в полотно трассы. Слабым местом юноши был контроль машины — это читалось и по телеметрии, и по видео. Лу Чэншань поступил мудро, сохранив подвеску на толкающих штангах и амортизаторы Bilstein: только на этом отрезке он насчитал уже три опасных крена.

А в кабине «девятьсот девятнадцатого» сидел белобрысый парень. Иностраннный легионер из Восточной Европы, выступавший за «Рыцарей Войны». На этот раз он был настроен во что бы то ни стало увезти из Чжэцзяна кубок.

Лу Чэншань слышал о нём: этот малый был на год младше Пэй Суна и представлял собой смертельно опасного соперника.

— Пэй Сун, — позвал его через радиосвязь Лу Чэншань. — Шестой поворот — снова в пол.

В гоночной среде бытует старая истина: на прямой педаль в пол утопит любой дурак, а вот настоящая скорость раскрывается в виражах.

— Инженер, я хочу сорвать её с ручника и пройти вираж в дрифте.

Лу Чэншань моментально всё понял: Пэй Сун намеревался окончательно сбросить «девятьсот девятнадцатого» с хвоста. Трековый «Порше 919», рождённый для бешеных скоростей, только-только выкатили на трассу, тогда как шины и тормоза «Аполло» уже вышли на идеальный рабочий температурный режим.

— Давай, — отчеканил Лу Чэншань.

Пустить машину в занос с ручника означало запустить ускоренный износ всех ключевых узлов. А сегодняшнее расписание не прощало ошибок: свободные заезды бесшовно переходили в квалификацию, оставляя механикам на обслуживание и ремонт меньше тридцати минут.

И запасного болида у них не было. Только этот единственный «Apollo IE».

И снова Т6 — злополучный шестой поворот.

Пэй Сун поджал губы и зашёл по внутренней траектории. Длинный кузов «Аполло» требовал широкого, глубокого заноса. Поймав качок массы, он сдёрнул задок: машина пошла боком,

резина с пронзительным визгом заскользила по абразивному асфальту, выплёвывая клубы густого белого дыма, а затем нос болида выровнялся на выходе — безупречный дрифт.

Если повороты проверяют мастерство гонщика, то прямые — чистый бой конских сил и инженерии.

На длинной прямой задача пилота проста до примитивизма: вдавить педаль газа в пол и не отпускать.

Пэй Сун пришёл из двухтактного картинга. В шоссейно-кольцевых гонках, если ситуация позволяла убрать ногу со сцепления и выжать максимум, он не поднимал стопу ни на миллиметр.

И вот тут на сцену выходило понятие «точка торможения». Длинная прямая неизбежно упирается в вираж, и то, когда именно ты начнёшь гасить скорость — и начнёшь ли вообще, — определяет, вырвешь ты долю секунды или вылетишь в отбойник.

«Аполло ИЭ» легко крутил шесть тысяч оборотов уже на второй передаче, уверенно везя «Порше» больше половины корпуса. Однако белобрысый восточноевропеец из WK оказался не из пугливых — его безумный азарт ничуть не уступал фанатизму Пэй Суна. Он и не думал тормозить!

Поворот стремительно приближался, но ни одна из машин не сбрасывала ход!

Оба болида заходили в вираж на полном газу!

«Ты не тормозишь — значит, и я не отступлю». Одному двадцать три, другому двадцать два. Но была между ними одна принципиальная разница: этот двадцатидвухлетний легионер впервые сел за руль в шесть лет.

Он начал заниматься автоспортом на шесть лет раньше Пэй Суна. Развита европейская гоночная культура дала ему колоссальное преимущество: идеальную среду, огромный опыт и профессиональную систему подготовки.

Пэй Сун же на своём первом уроке учился вдавливать газ, а не работать тормозом.

Умение правильно тормозить ведёт к чувству контроля над машиной, и именно в контроле у Пэй Суна всегда крохи неуверенности.

Сегодня Лу Чэншань поставил ему тормозные диски из углеродно-матричного композита. Эта система способна выдерживать пиковые нагрузки до 1200 градусов и гасить скорость с 300 км/ч до полной остановки за невероятные полторы секунды.

Именно поэтому Пэй Сун позволил себе такую дерзость: до самого входа в вираж его нога не сместилась с педали газа ни на миллиметр.

Он заскочил в поворот первым, захватил внутренний апекс и резко крутанул руль. Дрифт на словах прост: хочешь уйти вправо — сперва дай качок влево, заставь массу сместиться, а затем резко закладывай вправо.

Бешеный крутящий момент «Аполло» сорвал заднюю ось мгновенно. Левая нога Пэй Суна намертво впечатала газ — казалось, педаль сейчас проломит моторный щит.

Уже на выходе, выравнивая корпус, он коротко ткнул тормоз, и мощные суппорты в мгновение ока осадили брыкающийся болид.

В шлеме раздался спокойный голос Лу Чэншаня:

— Ты оторвался от него.

— Знаю, — откликнулся Пэй Сун. — Хочу везти ему ещё больше.

Он имел в виду квалификацию: Пэй Сун хотел сбросить этот «919-й» как можно дальше по стартовой решётке.

«Боевой мишка, значит...» — Лу Чэншань тихо хмыкнул.

Мармеладки со вкусом колы, оставленные Пэй Суном, так и лежали на консоли, зажатые между двумя высокими тумблерами.

Инженер достал ещё одну конфету.

Пэй Сун сам сказал: захочется закурить — закинь мармеладку.

На Лу Чэншаня накатила смутная, беспричинная тревога. Он прекрасно понимал: сильный соперник на трассе — это благо. Но данный соперник очевидно превосходил Пэй Суна по наезду и опыту, будучи при этом моложе.

И Лу Чэншань невольно переживал за своего пилота.

Он боялся, что если Пэй Сун уступит этому мальчишке по фамилии Фис, его психология даст трещину и ухнет в глубокий овраг.

Ведь такое поражение упирается в бессилие: у другого за плечами лучшие условия, зрелая

культура и годы системных тренировок. Это невозможно отыграть за один день. Абсолютной справедливости в мире не существует.

— На ещё один круг хватит ресурса? — спросил Пэй Сун.

— Не успеем, — отрезал Лу Чэншань. — Сворачивай на пит-лейн. Нужна замена резины и тормозов.

— Понял, — отозвался тот.

По итогам практики Пэй Сун показал лучшее время круга. Через тридцать минут в квалификации он должен был стартовать с поула-позиции.

Поул — первое место на стартовой решётке.

Закатив «Аполло» по сервисной дорожке в боксы, Пэй Сун даже не успел отпраздновать. Он быстро сдёрнул шлем и подшлемник. Лу Чэншань велел ему выпить изотоник и отдохнуть, пока механики принялись потрошить болид.

Тем временем маршалы выпустили официальный бюллетень: Ник Фис из команды WK не уступил дорогу болиду на летучем круге и получил штраф — минус шесть позиций на старте квалификации.

Пэй Сун сидел опустошённый. Если честно, этот «Apollo IE» давался ему с трудом. Заезд пару раз балансировал на грани грандиозного вылета.

Особенно тот безумный заход на прямую вплотную с «919-м»... Сейчас, прислонившись к пульту и переведя дух, он с ужасом думал: «Как я вообще на такое решился?..»

У них ведь нет запасной машины.

Разбей он её — и всё. Конец. Приехали вхолостую.

В суматохе бокса Лу Чэншань на миг выхватил его взглядом. Они встретились глазами, и Пэй Сун слегка перевёл дыхание.

«Пронесло... Нечего себя накручивать», — подумал он.

Вместо радости от завоёванного поула в груди теплилось лишь облегчение: «Слава богу, "Аполло" цел».

Он заметил, как Лу Чэншань кивнул куда-то ему за спину. Оглянувшись, Пэй Сун увидел пакетик с мармеладом. Особо не задумываясь, он потянулся к нему рукой, и тут...

Грохнуло так, что заложило уши.

— Э-э?! — Пэй Сун опешил и тут же вытаращился на Лу Чэншаня.

Инженер тоже замер в изумлении.

Пэй Сун мгновенно понял, что, тянувшись за конфеткой, задел какую-то кнопку. Он так и застыл с вытянутой рукой, словно фиксируя улики на месте преступления, чтобы Лу Чэншань точно видел, обо что он споткнулся.

Лу Чэншань стремительно подскочил. Увидев, что парень замер как вкопанный, он первым делом спросил:

— Ты цел? Ничего не болит?

Пэй Сун чуть не заплакал от досады:

— Инженер Лу... я что-то задел! Что делать?!

—... — Лу Чэншань проследил за его рукой, увидел пачку мармелада, забрал её, а затем перехватил Пэй Суна за запястье, разворачивая. — Ты ногой задел тумблер главного питания. Ничего страшного, сейчас заново поднимем.

С этими словами Лу Чэншань нагнулся и щелкнул выключателем.

— Инженер Лу! — гаркнул механик у колеса. — Гайковёрт не робит!!

Пэй Сун окончательно выпал в осадок:

— Это... это из-за меня?

Лу Чэншань сжал его плечо. Времени на разборы не было. Он встал прямо перед Пэй Суном, полностью перекрыв ему обзор на обслуживаемый болид, и отчеканил, глядя прямо в глаза:

— Ты тут ни при чём. Пневмогайковёрт не может сломаться от перезапуска сети. Раз молчит — значит, изначально барахлил.

Пэй Сун растерянно кивнул, но подсознание билось в истерику: «Ты всё испортил! Ты вырубил главный рубильник!»

— Ты меня услышал? — чеканил Лу Чэншань, словно вбивая гипноз. — Это тебя не касается. А ну марш на пит-лейн! Подыши свежим воздухом и не бери в голову ни одну хрень, что происходит в боксе.

Тон Лу Чэншаня не терпел возражений, а твёрдый взгляд гипнотизировал.

— Пэй Сун.

— Понял... — кивнул гонщик.

— Пошёл, — повторил инженер.

Он перепуган насмерть — Лу Чэншань это физически ощущал. Собственно, ещё с того момента, как Пэй Сун заложил дрифт без сброса газа, инженер понял: парень сегодня перегнул палку, его понесло.

Проводив Пэй Суна взглядом за ворота бокса, Лу Чэншань развернулся к ребятам:

— Что с оборудованием?

Механик отчаянно зажимал курок пневмогайковёрта — ноль реакции. Искать поломку в сети было некогда.

Лу Чэншань бросил взгляд на часы:

— Доставайте баллонники и ключи! На станке не успеем, крутим ручную!

Команда сработала мгновенно. Раз автоматика подвела, в ход пошла мускульная сила. Лу Чэншань поддомкратил машину, лёг на подкатную тележку и ушёл под днище — проверять защитный кожух и эффект земли.

Остальные в четыре руки ручную срывали колёсные гайки. Закончив осмотр, Лу Чэншань выкатился из-под брюха «Аполло» и сам взялся за заправочный пистолет.

Пэй Сун стоял на пит-лейн. Сентябрьский дневной ветерок приятно обдувал лицо, но молодой гонщик, не имевший за плечами багажа крупных чемпионатов, именно в эти минуты осознал собственную беспомощность. Напор более матёрых соперников и сокрушительный хаос, где всё в любую секунду готово полететь в ад...

В тот момент, когда он заходил в вираж без торможения, Пэй Сун почувствовал: на грани вылета была не только машина. На грани срыва был он сам.

Время обслуживания истекло.

Поул-позиция. «Apollo IE» стоял в первой стартовой ячейке.

Однако маршалы гонки не давали команду снять болиды с домкратов. Машины так и висели на стойках.

Все замерли на солнцепёке. На серых полосах асфальта сияющие болиды выстроились носами к стартовой черте.

Наконец, спустя мучительные десять минут, маршалы передали команде ST официальный вердикт:

«Превышение лимита времени обслуживания в боксах. Пилот Пэй Сун оштрафован сдвигом на последнюю позицию стартовой решётки».

Судья подошёл с ноутбуком и покадрово продемонстрировал Лу Чэншаню запись с камер Р-бокса. На таймере отсчёт уже перескочил на две секунды, а последний механик только отходил от правого заднего колеса. Задержка.

Лу Чэншаню нечего было возразить. В гонках не принято искать виноватых пальцем: команда — это единый организм, победы и поражения делятся на всех. Он молча кивнул, принимая наказание.

А затем подошёл к «Аполло» и присел на корточки у кабины.

— Что там? — спросил Пэй Сун.

Лу Чэншань попросил:

— Выбирайся из машины.

Пэй Сун поднял визор:

— Зачем?

Лу Чэншань облизнул пересохшие губы, тяжело сглотнул и произнёс:

— Нам нужно откатить «Аполло» в самый конец решётки.

На стартовой прямой воцарилась звонкая, гнетущая тишина. Трибуны замерли, даже ветер будто утих. Лишь высоко над головой гудел лопастями вертолёт трансляции. Пэй Сун стоял в его колышущейся тени.

Он беспомощно смотрел, как его болид — болид, который ему доверил Лу Чэншань, — подталкивают сзади четыре механика, увозя с первой позиционной ячейки в самый хвост.

В ярко-оранжевом комбинезоне юноша застыл истуканом. Ему приказано было шагать вслед за своей машиной. Назад.

Лу Чэншань подошёл к нему вплотную, поднял руки и обнял — мощно, крепко, укрывая своим широким мужским телом от чужих глаз и камер, даря хотя бы каплю опоры.

Зачем он это сделал, инженер и сам толком не знал.

Через пластик шлема глухой голос Лу Чэншаня прозвучал словно из другого мира:

— Автоспорт — жестокая штука. Здесь случается всё, к чему ты готов... и к чему никогда не будешь готов.

— Угу, — Пэй Сун дёрнул подбородком.

— Не плачешь? — тихо спросил Лу Чэншань.

Шлем качнулся влево-вправо — нет.

Камеры со всех углов жадно ловили этот кадр.

Сердце Пэй Суна под плотной тканью гоночного комбеза колотилось от липкого, отчаянного ужаса.

«Мне вообще не стоило подходить к тому пульту...»

Лу Чэншань сжал объятия ещё сильнее, касаясь подбородком визора шлема:

— Я же сказал: это форс-мажор. С судейством я потом сам разберусь.

С этими словами он слегка отстранил гонщика, крепко сжав его за плечи и заставляя встретиться взглядами:

— Ты у нас кто сегодня — боевой мишка? И что в такой ситуации должен делать боевой мишка?

Пэй Сун тяжело сглотнул:

— Возвращаться в машину.

— Вот именно, — кивнул Лу Чэншань. — Возвращайся в машину, Пэй Сун.

<http://bllate.org/book/20414/2132602>